

ПУТЬ К ДУХОВНОСТИ

Герои новой повести Петра Проскурина «Полуденные сны» («Молодая гвардия», № 1, 1983) и дух его других повестей — «В старых ракидах» и «Черные птицы», напечатанных ранее соответственно в журналах «Москва» и «Огонек», — различны, так же как и сами пласты действительности, изображаемые автором. И все же есть нечто общее — и притом гораздо более важное, чем несходство в тематике и персонажах. Это единый авторский взгляд на человека, пронизывающий произведения, объединяющий их в цикл как моменты одного большого лирического раздумья писателя о человеческом предназначении на земле, о «святом бунте страждущего духа», пользуясь словами одного из героев Проскурина, о стремлении преодолеть тесные рамки повседневного, будничного в устремлении к высокому.

«...Где-то в самых отдаленных глубинах ее существа уже копились таинственная, как подземная река, музыка, и, как всегда, она начиналась с одной и той же мучительно рвущейся ноты» — так изображает автор душевное состояние Тамары Иннокентьевны, героини повести «Черные птицы».

Вот это стремление освободить мучительно рвущуюся из души «подземную реку» музыки стихий и является, пожалуй, основной эмоциональной доминантой всех повестей. Ведь почти то же, что и Тамара Иннокентьевна, «торжество души» чувствует и Василий — герой повести «В старых ракидах».

«Все мысли и все тревоги заслонило какое-то пьянящее, безрассудное чувство слияния с беспробудной и стремительной ночью... в неистовстве ветра он слышал сейчас то, чего не дано, да и нельзя слышать человеку...»

Точно так же и в душе главного героя повести «Полуденные сны», физика, научного работника, далекого, казалось бы, от

всякого романтизма, «торжествующая скрытая сила» природы рождает ответный творческий порыв, зовущий к постоянному преодолению себя во имя высшего созидательного начала.

Итак, герои новых повестей Проскурина — люди романтического склада, тающие в душе сильные чувства и глубокие мысли, стремящиеся к высокой гармонии, страдающие и борющиеся.

Эти герои хорошо знакомы читателю по таким произведениям, завоевавшим заслуженный успех, как «Горькие травы», «Судьба», «Имя твоё». И все же новые повести необычны. Прежде всего — по стилистической манере. Перед нами напряженная лирическая исповедь, «поток души», мощная стихия распахнутого навстречу миру сознания.

Взгляд писателя в этих повестях приобрел новое — поэтическое — измерение, обострившееся до проникновенного лиризма. Высота помыслов и чувств персонажей, открытых всем тревогам и горестям, в «Черных птицах» неизменно выступает как мера истинной духовности, критерием чистоты души в ее движении к идеалу.

Соотношение идеального и обыденного и есть, собственно, основная тема повестей, определяющая их философскую наполненность. Утонуть в обыденном, не совершить в жизни главного — вот мука адская, терзающая героев.

Потому и появляется у Тамары Иннокентьевны порой горькое чувство, что «настоящая, терпкая, в муках жизнь пронесется мимо». Потому и жалуется Василий, герой повести «В старых ракидах», на то, что жизненный «задел кончился», что «ростом не вышел» «для чего-

нибудь более лучшего в жизни». Жалуются, ибо видят недостижимость идеала, вечно живущего где-то в заповедных тайниках души. И все-таки, несмотря на всю «очевидность» невозможности его достигнуть, — в минуту прозрения восходят до него. Но только на минуту...

В роковые мгновения жизни, в самые горестные — перед лицом смерти — и в самые радостные, но только в самые-самые, совершают герои Проскурина «прорыв в бесконечность». При чем далеко не только положительные герои. Звездные часы, минуты, секунды есть в жизни у каждого, говорит нам писатель. И в этой нравственной позиции смысловой нерв его новых повестей.

Сюжет первой из них — «В старых ракидах» — не выглядит необычным. Перед читателем разворачивается история смерти старухи — матери Василия, ее похорон. Все выглядит знакомым по «деревенской» прозе. Знакомым... И все же новым. Смерть матери оказывается для сына потрясением, переворачивающим все его представления о жизни.

Очищение души перед лицом смерти матери открывает герою конечность собственного бытия и зыбкую относительность всей прожитой жизни. А одновременно — высшую, нетленную природу вечных ценностей — земли и неба, традиции народного мироощущения, сокровенный смысл которого он начинает постигать.

Но почему же тогда в приступе бессмысленной злобы вдруг сжигает Василий свой дом, единственное наследство, доставшееся ему от матери? Что мешает Проскурину создать благостную картину совершившегося просветления души героя?

Думается, прежде всего — верность жизненной правде. Не так-то легко «возвращение к истокам» для человека, всей сво-

ей жизнью от них отъединенного, вся жизнь которого протекала в городе. А главное — вне культурных традиций, которые словно обошли его, не укоренились глубоко в душе.

Порыв к высшему оборачивается бунтом, поистине «бессмысленным и беспощадным». На наших глазах совершается трагедия. Заметим, трагедийность — еще одно ключевое понятие, объединяющее цикл повестей. Каждому герою автор определяет меру трагической вины и путь ее искупления страданием.

В повести «Черные птицы» этот путь проходит как главная героиня — Тамара Иннокентьевна, так и ее духовный антагонист — Александр Евгеньевич. Оба они своего рода «совладельцы» творческого наследия погибшего в годы войны талантливого композитора Глеба. От его трудов остались лишь незавершенные наброски, небольшие фрагменты замыслов грандиозных, но не реализовавшихся.

Пошел по пути корыстного приспособленчества Александр Евгеньевич. И жизнь вроде бы принесла ему все: высокие посты, право распоряжаться судьбами других, славу, деньги... Но чем ближе к старости, тем сильнее тягостное ощущение, что «замах был огромный, а пролетело мгновенно», что «жизни не вышло», а значит, не горела в душе святая искра таланта.

Тамара Иннокентьевна за свою жизнь не приобрела ничего. Потеряла даже свое единственное достоинство — выразительный голос оперной певицы. Но сохранила главное, стержень своей души — верность памяти Глеба, его творческому гению.

И вот старость снова сводит вместе Тамару Иннокентьевну и Александра Евгеньевича — когда-то в молодости они были близки. Встреча их становится спором о жизни и ее ценностях. Александр Евгеньевич ищет самооправдания: «Разумеется по твоим понятиям, — обращается он к подруге молодости, — лучше сидеть на куче нот и вздыхать по несостоявшейся идиллии. Нелепо? Зато чувствительно». Между тем сам же он отлично понимает, что «главное и сейчас и в будущем заключается для него в этой женщине, что если он ее потеряет, сама жизнь станет бессмысленной». Верность ей — верность идеалу, потеряет ее — потеряет все,

что есть хорошего в душе Александра Евгеньевича.

А в душе Тамары Иннокентьевны, словно в предчувствии некоего свершения, уже нет места для сведения счетов, для мелких ссор и обид: «...она увидела и себя, и Александра Евгеньевича, и всю свою жизнь совершенно в ином значении». Предчувствие близящейся смерти открывает ей смысл всей жизни.

«И ее состояние перенимал Александр Евгеньевич, он почувствовал освобождение от чего-то, всю жизнь мешавшего, ненужного, вся свершая жизни опадала с души тяжелой, лохматой массой...»

Так открывается путь к чуду. И оно происходит. Воскресший духовно, Александр Евгеньевич играет самое вдохновенное произведение Глеба — и только потом, ошеломленный, осознает, что вместо нот перед ним чистая бумага...

Почти обезумев, он в конце повести скрывается во выжженной московской ночи. Но окончательного преображения души его не происходит, как и у героя повести «В старых ракидах».

Происходит оно только в третьей, заключительной повести — «Полуденные сны», главному герою которой, физику Васе, нужно было очутиться на краю гибели, чтобы понять простую, в общем-то, мысль:

«Ведь помрешь — и главное в жизни не успеешь, того, что тебе определено, из себя тьмы-тьмущей выделено. Ведь этого никто за тебя не сделает. Поделом тебе и наказание, и муки! За слабости! За отступничество!»

А вместе с пониманием смысла существования приходит к герою и спокойная уверенность в правоте избранного — творческого — пути, в чем герой нет-нет да и начинал сомневаться. То под натиском энергичной, но уж слишком практичной жены, то под влиянием неурядиц на работе.

Разные герои, ситуации, конфликты. Одна общая проблема — путь к духовности, бунт романтической души во имя высокого, восхождение к идеалу. То, что всегда было самым важным для Петра Проскурина, что осталось важным и теперь.

Геннадий МУРИКОВ
ЛЕНИНГРАД